

Ольга Дудко

Разные судьбы

Дудко Ольга Лукинична

г.Москва

Ольга Лукинична Дудко (Куранова) родилась 26.07.47 в г. Льгове Курской области. Школу закончила в г. Егорьевске Московской обл. Сначала работала воспитателем детского сада, потом с 1970 г. стала бортпроводницей аэропорта Домодедово. С 1973 по 1990 - ст. инженер-экономист Министерства гражданской авиации управления перевозок. Заканчивала свою "карьеру" учителем истории и обществознания, зав. кафедры гуманитарных предметов в лицее № 1501 г. Москвы. До сих пор там работаю, но уже только на курсах по подготовке детей к сдаче ЕГЭ. В 2008 г. стала победителем конкурса "Лучший учитель РФ". В школе проработала 26 лет. Образование высшее - МОПИ им. Н.К. Крупской. Муж и сын. Люблю писать стихи. Пишу душой!

ИСПОВЕДЬ КАТИ. РАЗНЫЕ СУДЬБЫ.

НЕ ВСЕ ТАК ОДНОЗНАЧНО!

Вот, решила я, дорогие мои читатели, вернуться к своим рассказам о Кате. О каком времени она хочет вам рассказать? Конечно, о временах ее молодости, когда чувства были живыми, встречи интересными, да и сил было много. И, скорее всего, вам было бы интересней читать о далеком прошлом людей, ведь многих уже нет на свете.

В 1956 году вышел фильм «Разные судьбы». Простая история о «плохой» девушке, коварной эгоистке и стяжательнице, которую блистательно сыграла Татьяна Пилецкая, и «хорошей» молодежи, в противовес злу, которое присутствовало в советском обществе. На взгляд Кати, фильм спасла плеяда изумительных актеров (звезды первой величины) - Свердлин, Жизнева, Фрейндлих, Юматов, Конюхова. Примечательно то, что советская власть учила молодежь на положительных примерах образцам поведения. Катя прекрасно помнит, как в конце фильма злодейка-Танечка спрашивает: «А, я?» На это в кинотеатре зал дружно говорил: «А, ты СВИНЬЯ!!!» Тогда фильмы смотрели не по одному разу, и каждый раз зал выдыхал – А, ты...! Вот, такое единение масс.

На самом деле, не все так однозначно было. Кате встречались разные люди: и хорошие оказывались с червоточинной, а, плохие, на первый взгляд, вдруг помогали Кате бескорыстно. Жизнь прожить - не поле перейти. Очень редко встречаются люди только плохие или только хорошие. Много зависит от того, в какую ситуацию они попадают. Поэтому надо научиться ПРОЩАТЬ, понимать, почему человек поступает так, а не иначе. Это сложно. Сама Катя так и не научилась этому.

В Катиной шкатулке лежат письма одной женщины, датированные 40-50-ми годами. Катя читает их и понимает, что не права эта женщина, ей надо было не взывать к ушедшей любви, а начать новую жизнь. Это сложно, но ведь другого пути не было. Сохранить себя, свою сущность, не идти на поводу у эмоций. Как это сложно! Кто бы взялся осуждать эту женщину, которая родила ребенка вне брака, не зная ее, и не зная пути, которым она прошла?

Вот, строки из ее письма, которое эта женщина написала Катиной бабушке в 1952 году: «Не верится мне, что Леонид Сергеевич к нам заедет. Да, и встреча после всего случившегося, какая должна быть? Я не знаю, что мы друг другу будем говорить, меня это пугает. Зачем я ему теперь нужна, когда мы уже 4-ый год не живем вместе?» Ну, какой он тебе Леонид Сергеевич,

милая, если ты ему родила дочку? Слава Богу, что потом у нее все сложилось, она вышла замуж за хорошего человека, родила вторую девочку, работала врачом в поликлинике.

Сколько после войны осталось одиноких женщин, для которых личная жизнь прекратилась. Это только нам кажется, что работа может заменить все. Не получается так. Жизнь продолжает заявлять о себе. Примечательна фраза Варвары из «Простой истории»: «А я вот 15 лет в холодной постели проспала!» Одинокие женщины, которые ничего не видели, кроме тяжелой работы. Они пережили тяжелые военные годы, и, казалось бы, закончилась война, впереди счастье! Какое счастье может быть в одиночестве, когда ты еще молода, а впереди особых радостей не предвидится. Разве можно их осуждать за желание любить, пусть и человека женатого. Только женщины, пригретые мужниной лаской, могут всего этого не понимать. Вот, и рассудите, что есть плохо, а, что хорошо? Каждый смотрит со своей колокольни.

Катя, однажды, познакомилась со своей дальней родственницей. Женщине было тогда 88 лет. У нее был ухоженный дом и огород, жила она с младшим сыном и невесткой. Женщина была спокойной и величавой. Катя узнала ее историю жизни. До войны она была молодой и красивой девушкой, от женихов не было отбоя. Но, во время пожара, выносила ребенка из горящего дома и получила сильные ожоги на одной стороне лица. Тогда о пластических операциях и не слышали в деревне. Женихи сразу исчезли. А, тут началась война. После войны женихов не было для молодых и здоровых. Где ж их было взять для нее? И, она связала свою судьбу с женатым мужчиной из соседней деревни, родила от него двоих сыновей, вырастила их в тяжелые послевоенные годы. Этот мужчина не решился уйти из семьи, но связь их продолжалась долгие годы. Она не роптала на судьбу, а жила, как душа ее просила - в любви к своему мужчине и его сыновьям. И, была счастлива!!! Кто мог ее осудить?!

Была и другая история. Катина подруга встречалась с человеком, которого очень любила, через год она узнала, что этот человек женат. А, как раз, тогда надо было решать, что делать с ребенком, которого она от него ждала. Катя тогда ей говорила: «Если ты так его любишь, и тебе никто больше не нужен, почему бы и не родить от него ребенка? Вот, и будет у тебя радость в жизни – ребенок от любимого тобой человека». А, та не смогла на это решиться. Она побоялась осуждения людей, которые ее окружали, и сделала аборт. Все вышло очень неудачно, больше у нее не могло быть детей. Так, и прожила она потом одна, мучаясь от несовершенства мира и жалея о том ребенке, который так и не появился на свет. Не надо оглядываться на окружающих, ты должна решать для себя, что для тебя важнее всего в жизни.

Так скажите мне, дорогие мои читатели, что же лучше – мнимая добродетель или запретная любовь и ребенок, который в результате появился на свет???

Не все так однозначно.

ИНОГДА ВЕЛИКИЕ ЛЮДИ СПУСКАЮТСЯ НА ЗЕМЛЮ.

Кате довелось встретиться с двумя знаменитыми людьми при не совсем обычных обстоятельствах. Это, как ни странно, произошло в рабочем поселке в 1971 году, откуда она недавно уехала и начала летать в Домодедово. Дело в том, что в этом поселке у нее осталась подруга, которая в клубе руководила детским хором, наступал юбилей ее творческой деятельности. Она много лет пела в Московской областной хоровой капелле «Народный учитель», которую возглавлял Георгий Струве. А, ее подруга была в этом хоре солисткой. Она сообщила Кате, что на ее юбилей придет Георгий Струве со своим другом Петром Меркурьевым. Кате было сложно выделить свободный день среди бесконечных полетов, но, в конце концов, все получилось.

Это был, как выигрыш в лотерею (автомобиль, конечно), потому, что она много слышала от подруги об этих людях. А, увидеть их «живьем» дорогого стоило.

Георгий Струве - написал более 200 произведений, создал первую в Советском Союзе детскую хоровую студию «Пионерия». Со своим хоровым коллективом «Пионерия» им записано около 30 пластинок общим тиражом несколько сот тысяч экземпляров, сделано более 300 записей.

С 1962 по 1987 год являлся художественным руководителем и главным дирижёром Московской областной хоровой капеллы «Народный учитель», вёл постоянно действующий семинар учителей музыки Московской области. Лауреат многочисленных российских, всесоюзных и международных премий. «Народный артист РСФСР».

Кроме того, он был обаятельным человеком (в этом Катя могла убедиться лично), прекрасным оратором, с хорошим чувством юмора. Как говорила уборщица тетя Клава – умереть, не встать.

Его друг Петр Меркурьев - сын знаменитого артиста Василия Меркурьева и дочери Всеволода Мейерхольда Ирины. Василия Меркурьева люди старшего поколения, конечно, помнят по фильмам «Небесный тихоход», «Верные друзья», «Обыкновенный человек» - красавец, настоящий русский богатырь!

Петр тогда был не столь знаменит, как его отец и не так красив, как он – очень высокий, худощавый, немного нескладный, но артистичен, душа компании, необыкновенно привлекательный человек! Позже он станет членом Союза композиторов России, членом Союза журналистов России, «Заслуженным деятелем искусств РФ», снимется более чем в 95 фильмах.

Итак, Катя приехала к самому началу торжества прямо с самолета (в форме, заезжать домой и переодеться не успевала). Зал в клубе был полон, мест свободных не было, но подруга, на всякий случай, оставила ей место во втором ряду. Дети пели чудесно, их провожали овациями! После окончания концерта Струве вышел на сцену и произнес речь, в которой говорил о необыкновенном таланте и трудолюбии Катиной подруги. Такой речи здесь еще не слышали, она завораживала зал! Его проводили овациями!

После концерта Струве и Меркурьева пригласили на ужин в квартиру Катиной подруги. Были приглашены и ее ближайшие подруги. Стол был богатым – икра, копченая семга, осетрина, сырокопченая колбаска, не говоря уж о блюдах собственного приготовления (подруги были прекрасными кулинарками!).

Но, главное, было, конечно, общение с этими необыкновенными людьми. Они были доброжелательны, просты в общении, галантны, шутки их были искрометными, анекдоты приличными и смешными. Даже разыграли для гостей пантомиму. Необыкновенный вечер!!! Наступило время расставаться, было 12 часов ночи.

Оказывается, девчонки долго думали, как лучше разместить гостей на ночь. В этой компании была девушка, которая жила в своем доме с матерью. Дом их был необыкновенный – бревна не были закрыты обоями, но идеально отмыты. Полы некрашенные, но тоже очень чистые. Женщины в эту ночь ночевали у друзей.

Всей компанией отправились провожать знаменитых гостей на ночлег, галантные мужчины подхватили девушек под ручки, разговаривали всю дорогу. Когда они вошли в этот дом, то сразу разулись, ходили в носках (невозможно было ходить в такой чистоте в обуви). Утром их разбудили, как они просили, и проводили на завтрак. Знаменитости были в восторге от дома, где ночевали. Георгий сказал, что уже лет 15 так крепко не спал – воздух в этом доме необыкновенный!

Потом Катя с подругой несколько раз были на концертах Георгия Струве. Несмотря на занятость, он всегда находил время к ним подойти и поговорить. А, почитатели в это время стояли в сторонке. Необыкновенный человек!!!

Теперь уже нет в живых ни Георгия Струве, ни Петра Меркурьева, а память о них осталась...

ТАЛАНТЫ И ПОКЛОННИКИ.

А, сейчас, дорогие мои читатели, я расскажу вам об одном загубленном таланте и загубленной жизни.

Катя сейчас слушает арию Виолетты из оперы Верди «Травиата». Звучит трагический и нежный голос Марии Каллас, женщины, которая страдала и потеряла голос, когда ее предал мужчина, которого она любила. Забвение.

Простите, вы навеки, о счастье мечтанья!

Я гибну, как роза от бури дыханья.

О Боже великий! Услышь моление!

И жизни всеминувшей прости заблужденье...

Прости, земля!

Катя в конце 60-х годов в рабочем поселке познакомилась с девушкой, своей ровесницей, которую звали Люся. Она приехала в гости к Катиной подруге. Хорошенькая блондинка с серыми продолговатыми глазами, небольшого роста и с приятной женственной полнотой. Она закончила музыкальное училище и была музыкальным работником в детском саду в Подмосковье. Люся даже получила ведомственную однокомнатную квартиру. В свободное время она пела в Московской областной хоровой капелле «Народный учитель», была солисткой. Ее непосредственным учителем был Георгий Струве. Казалось бы, все у девушки сложилось.

Но, Люся мечтала об оперной сцене, причем, о ведущих партиях. Она обладала сильным, красивым, глубоким голосом. А, работа в капелле этот голос развила. Струве восхищался талантом своей ученицы. Хор периодически выступал с концертами в разных городах Советского Союза и всегда имел успех. Немалая заслуга в этом была нашей Люсеньки.

Катя помнит, как однажды в поселок к подруге приехал ее старший брат Георгий, а Катя и Люся, как раз, в это время гостили у нее. Он был офицером, очень красивый мужчина, да еще и талантливый. Не имея никакого музыкального образования, он прекрасно играл на фортепьяно, импровизировал. Катина подруга тогда говорила, что армия не для него потому, что у брата тонкая музыкальная натура и армейская муштра ему не подходит. В тот вечер Георгий играл для девушек до 3-х часов ночи (странно, что соседи не возражали). А Катя и Люся сидели рядом с ним, следили за порхающими по клавиатуре руками и умирали от восторга. Катя слушала прекрасную музыку и вспоминала другие руки и другого человека. Подруга тогда спросила у Георгия: «А, не влюбилась ли в тебя Катенька – полночи от тебя не отходила». А, тот ответил: «Нет, ей нужна была только музыка, а думала она о ком-то другом». Вот, вам и тонкая

натура – все понял!

Через 10 лет Катя увидела фотографию Георгия. На ней он был снят в полушубке с белым меховым воротником, темные глаза в очках, в руках он держал перчатки. Для Кати на этой фотографии сошлись трое мужчин в ее жизни: у одного были такие же красивые музыкальные руки, у другого были такие же темные глаза в очках, а ее муж в таком же полушубке отправлялся в свои командировки в Сибирь. Странные извилины судьбы...

Но, вернемся к Люсеньке. Однажды они с подружкой приехали к Кате в гости в Москву, в коммунальную квартиру на первом этаже. Люся рассказала, что она нашла прекрасного преподавателя, который научил ее брать дыхание «животом». Голос стал прекрасно звучать, и петь стало легче. Подруга усомнилась, сказала, что такое пение опасно для голоса. А, Люся предложила им: «Давайте, я вам спою!» И, запела арию Виолетты из «Травиаты». Голос звучал мощно и красиво, ему тесно было в этой комнате, в ее голосе была мольба и желание жить – «Гибну, как роза...». А, Катя с подружкой плакали.

Лето, окна были открыты. И, вдруг Катя увидела, что у ее окна собралась толпа. Люди не понимали, что это – пластинка или живой голос. А, Люсенька сказала: «Давайте я им устрою концерт!» И, она продолжала петь, а когда замолкала, люди аплодировали. Все уже поняли, что это живой голос. Она пела и другие оперные арии, народные песни, и, даже, что-то из эстрады. Ее голос завораживал, он плакал и смеялся, звучал униженно и жизнеутверждающе. Она была близкой людям и далекой, в зависимости от песни. Люсенька была победительницей!!! Катя никогда больше в своей жизни такого не слышала!

Люся закончила Гнесинское училище по классу вокала. Встал вопрос – что же делать дальше? В Москве к ведущим партиям было не пробиться, тут нужны были серьезные связи, которых у нее не было. И, Люсенька уехала за 200 км от Москвы (в Тулу или в Калугу, Катя сейчас не может вспомнить). В театре она стала петь ведущие партии, все у нее получилось. Ей дали там двухкомнатную квартиру, она вышла замуж.

И, вдруг, все рухнуло. Жена директора театра приревновала Люсю к своему мужу и добилась, чтобы она ушла из театра. Это не было правдой, Катя с Люсенькой тогда разговаривала, она бы непременно об этом сказала подругам. В этом плане, секретов у них не было. У Люси закончилась карьера из-за какой-то вздорной бабы, а ее муж устранился, ему было проще избавиться от Люсеньки. Певицы и другие в театре были, пусть и не такие яркие, как Люся. Они, кстати, и подлили «масла в огонь» - конкуренция. Мир искусства очень сложный, и надо иметь, кроме таланта, недюжинную выносливость, какой Люся не обладала. Она долго была без работы, на

нервной почве голос пропал, и так петь, как раньше, она уже не могла...

Когда в жизни самой Кати наступает черная полоса, она вспоминает Люсенюку и тихонько напевает арию - "Я гибну, как роза от бури дыханья..." Слезы..., но эти слезы смывают горечь. И, становится легче на душе.

ИСПОВЕДЬ КАТИ. РАЗНЫЕ СУДЬБЫ.

ИСТОРИЯ О ДЕВУШКЕ «ИЗ НАРОДА» И ЕЕ НЕСЧАСТНОЙ ЛЮБВИ.

Катя! Что-то слишком высоко ты забралась – знаменитый композитор, не менее знаменитые артисты, Мейерхольды, девушка с уникальным талантом оперной певицы. Спустись ты, Катенька, на грешную землю и расскажи о простой девушке «из народа», которая сумела повлиять на твою жизнь и принести в нее радость.

Клавочка. Она появилась впервые в доме Катиных родителей, когда Кате было 15 лет. И, появился «луч света в темном царстве»! Клаве было 20 лет тогда - высокая, крепкая, здоровая девушка, симпатичная. Некоторые считали ее красивой, той русской красотой, неяркой, но, весьма, привлекательной. Главное, что в ней было – это неиссякаемое жизнелюбие и открытость. Говорила, что думала, ничуть не заботясь, как к этому отнесутся окружающие. Катя к такому не привыкла, она за словами окружающих ее людей всегда ощущала двойное дно. Так потом и оказалось – не верь словам, а смотри на поступки людей! И, Катя впервые вдруг поняла, что у нее появилась подруга, которой она может доверять и которая к ней хорошо относится.

Лето, хорошая погода, и, Клавочка пригласила ее к себе в гости. Родители не возражали, но взяли слово с Клавы, что та будет за девочкой «следить». Клава тогда жила в Подмосковье в Бронницах, жила в вагончике, работала штукатуром на стройке. Выросла она в обычной крестьянской семье, отец ее не вернулся с войны, мать воспитывала ее одна. Она росла непоседливым ребенком, шаловливым и неумным. И, однажды, случилась беда – девочку ударили по уху так, что лопнула барабанная перепонка, и Клава не слышала на одно ухо. Она говорила: «Меня иногда считают вертлявой, а я, просто, вынуждена постоянно поворачиваться к собеседнику, иначе, не слышу, что он говорит. После школы она закончила ПТУ, тяжелую она себе выбрала профессию.

Катя помнит то лето и жизнь в вагончике. Как ей там было хорошо! Клава утром уходила на работу, а Катя гуляла по окрестностям, до сих пор ей нравится запах шпал, на которые укладывались рельсы. Читала, а перед приходом Клавы с работы жарила картошку, в основном, только такая еда и была. Они ужинали и отправлялись на танцы. Сие мероприятие проходило в небольшом доме, где стоял патефон, под эту музыку и танцевала молодежь. У Клавочки был жених Женька – ей под стать, высокий, сильный, работающий. Казалось бы, все у Клавочки будет хорошо, выйдет замуж за Женю, будет рожать ему детей. Везде с собой они «таскали» тогда Катю,

она им не мешала, так как отношения у них были чистыми – Женя очень хорошо относился к Клабочке.

Клава, хоть и трудилась на тяжелой работе, получала немного. Катя помнит, как Клабочка распределяла полученную зарплату. Они сидели тогда за столом, Клава говорила: «Вот, столько нам надо отложить на четыре выходных дня – мы поедем в Москву, посмотрим, как молодежь отдыхает в столице. Вот, на эти деньги купим тебе ситец на платье, которое сошьешь себе сама (Катя к тому времени обшивала всю семью). А, вот эти деньги останутся на питание на две недели». Интересный расклад, правда? Но, из песни слов не выкинешь. Так было.

Они, действительно, дважды съездили в Москву, были на аттракционах в парке Горького. Тогда на улице устраивались танцы. Катя тогда помнит, какие красивые там были девушки, и как «дорого» они были одеты. Клабочка, конечно, по сравнению с ними проигрывала. Но, по-своему, была хороша!

Платье Катя тоже тогда сшила. Это был сарафан с кофточкой, талия в обтяжку с пышной юбкой. Талия, конечно, была хороша, а, все остальное оставляло желать лучшего – угловатый подросток, который еще не расцвел. Клабочка с Женей ни на шаг от себя Катюшу не отпускали, «следили». Да, что там было за ней следить – никого из ребят этот ребенок не интересовал.

А, потом случилась беда. Клава влюбилась. С Женей они поссорились, и она стала встречаться со взрослым мужчиной. Это был инженер со стройки, красивый образованный человек, совсем он Клаве не подходил. Катя видела начало этого романа. Когда Клабочка приходила со свидания с этим человеком, она была, как в бреду. Могла говорить только о нем, правда, как догадывалась Катя, рассказывала ей не все. Катя пыталась ей объяснить, что ничего хорошего здесь ее не ждет, но разве Клава будет слушать девчонку?!

Через неделю Катя уедет домой, а, Клабочка исчезнет. Через три года Катя узнает, что Клава тогда родила сына от человека, который еще и оказался женат (Клава про это тогда не знала). Она не будет навязывать ему своего ребенка, а завербует на Камчатку, будет работать и растить сыночка. Но, что-то там не подошло ей с климатом, стала Клабочка болеть. Много позже Катя спросит у Клавы, знает ли тот мужчина, что у него родился сын? Оказывается, он ничего не знал – уехал к своей семье и все.

Сколько разговоров было тогда в семье Кати. Какими только паскудными словами не называли Клабочку! А, Катя тихо плакала, когда ее никто не видит, и жалела бедную Клаву. Катя тогда впервые поняла, что такое любовь, которой девушка не может сопротивляться. И, как благородно поступила

Клава – все взяла на себя, ничем не побеспокоив своего избранника. Грех на его совести! Он-то понимал, что делал...

ИСПОВЕДЬ КАТИ. РАЗНЫЕ СУДЬБЫ.

ГОРОД, ЗАТЕРЯННЫЙ В ПЕСКАХ ТУРКМЕНИИ,

И КОНЕЦ ПЕЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ.

Следующая встреча Кати с Клабочкой состоялась через четыре года в необычном месте, куда Клава переехала с сыном после Камчатки, где у нее появились серьезные проблемы со здоровьем. Затерянный в песках Туркмении маленький городок Челекен на берегу Каспийского моря. Добраться туда можно было только самолетом – кругом барханы и саксаул. Основопологающим производством в нем был бромный завод. Ведомственную квартиру приезжающим на работу предоставляли сразу. Вот, и Клава с сыном получили однокомнатную квартиру.

Городок небольшой, но уютный и чистый, в котором было красивое белое здание клуба имени Махтумкули, туркменского поэта и философа. Здание было расположено на берегу моря, к нему вела широкая лестница из белого камня, по сторонам рос саксаул. Все более или менее значимые события в городе проходили именно там: праздники, просмотр кинофильмов и даже заседания суда. В городе был рынок, магазины, летняя танцплощадка, школа, детский сад, Сберкасса и местный маленький аэродром – вот, пожалуй, и все. Для жителей он был безопасным, можно было гулять в любое время суток, чужих там не было. Местные туркмены хорошо относились к русским, уважали.

И, Катя, которой исполнилось 19 лет, поехала к Клабочке в отпуск. Она познакомилась с ее сынишкой Вовкой (Катя называла его потом Вовастик-головастик), которому было тогда 3 года. Очаровательный малыш, темноволосый с черными блестящими глазами, умненький и шустрый. Целый месяц Катя с ним не расставалась, ходили на море, гуляли, играли. Она читала ему книги, рассказывала сказки, читала наизусть стихи Барто, Чуковского, Маршака, Сергея Михалкова. Ей так нравилось с ним гулять. Катя воображала себя его молодой мамочкой. Похоже, и она Вовке понравилась.

Катя в первый же день обгорела, на плечах вздулись волдыри, и купаться они ходили в 11 часов вечера уже с Клавой. Какая была красота - чистый белый песок, а ты плывешь по блестящей лунной дорожке далеко-далеко. Тишина и покой под яркими мерцающими звездами! Затерянный мир!

По выходным ходили на танцы. Катю приглашали танцевать, а вот, Клавочку - нет. А, Кате так хотелось, чтобы она встретила своего мужчину и вышла замуж. Похоже, даже просто любимого человека у нее не было. Это было так несправедливо!

В квартире Кате приходилось каждый день мыть полы потому, что по утрам собирался тонкий слой песка. Продуктами город был обеспечен. Если чего-то не было в магазине – покупали на рынке у туркмен. Они жили в своих домах, но главной ценностью для них была земля. Девушки-туркменки носили шаровары, а поверх них - длинные разноцветные платья, даже купались в море в одежде. Днем было так жарко (+45), что медленно ходить по тротуару было нельзя, прилипали подошвы – только быстрым шагом.

Кате там очень нравилось, пока она не попала на бромный завод. Клава, однажды, решила показать Кате, где она работает. Уже при приближении к заводу чувствовался отвратительный запах, а, когда Катя вошла в здание и поднялась по лестнице в цехе, где Клава работала, ей стало плохо. Кате принесли воды, и они с Клавой быстро пошли обратно. Катя представила, каково работать здесь 6 часов в такую жару!!! Ужасно.

А, ведь, Клавочка по выходным еще и подрабатывала штукатуром – приводила в порядок новые дома туркменам. Деньги были нужны – квартира была обставлена современной, по тем временам, мебелью, сами жили в относительном достатке.

Катя еще раз приезжала к Клаве туда через пять лет, но только на неделю. Вовке было 8 лет, и, Катя рассказывала ему забавные и красивые фрагменты из Истории Древнего мира и истории России. Она так сумела заразить этим мальчика, что он, уже, будучи взрослым, ездил на раскопки с группой археологов. Но, это было для него хобби.

Шло время Здоровье Клавы все ухудшалось. Она попросила мачеху Кати (они были дальними родственницами) помочь найти работу с предоставлением жилья. Такая работа нашлась в соседнем совхозе. Клава приехала с сыном, получила небольшую квартиру и стала работать дояркой. Только, не знала Клавочка, что дояркой ей с ее болезнью нельзя было работать. Володя закончил школу и поступил в мореходное училище в Эстонии, женился на эстонке, родилась дочка. Плавал он за границу, прилично получал, купил для семьи хорошую трехкомнатную квартиру. А, потом в 1991 развалился Советский Союз. После этого у него распалась и семья. Он оставил квартиру жене и дочери и уехал в Россию.

Между тем, Клава чувствовала себя все хуже, работать дояркой уже не могла, передвигалась с помощью костылей, боли у нее были очень сильными. Но, она крепилась, старалась не поддаваться болезни. А, потом наступил ее

последний час, ей тогда было 48 лет. Она почувствовала, что этой ночью умрет, и попросила родственницу приехать к ней вечером. Страшно ей было умирать в одиночестве. Но, родственница приехала к ней только утром, когда Клавочка уже умерла. Что же она чувствовала в свой последний час? Никто этого теперь не знает.

Полтора года назад Катя приехала на похороны мачехи, умерла она в 88 лет, а, до этого почти 10 лет она была в беспомощном состоянии, за ней ухаживал ее родной сын. Когда ждали отпевания у церкви, к Кате подошел высокий, красивый, хорошо сложенный мужчина лет 50-ти и сказал: «Здравствуйте, Катя! Я Вовастик-головастик». На кладбище могила мачехи оказалась рядом с Клавочкиной. Катя смотрела на ее фотографию на памятнике, видела ее такое милое лицо, и, слезы потекли градом. Никто не понял, что плачет Катя по Клавочке. Пусть Бог ее простит за это.

А, потом они с Володей ехали в Москву на его машине, и Катя рассказывала ему в дороге о его матери, какой прекрасной и мужественной женщиной была его мама. Сын должен об этом знать. У Володи сейчас приличная работа и большой дом, который он строил себе сам. До сих пор он ездит на свои раскопки. Вот, только не женат. Кате очень хочется, чтобы он нашел хорошую женщину, женился, и не проводил остаток жизни в одиночестве. Женщины, конечно, у него есть, но, ведь мужской век не так уж и долог. Пусть у Володи будет все хорошо! Конечно, этого ему бы пожелала и Клавочка.

Почему же так бывает, что одни по жизни идут легко, а других несет через колдобины и ямы? Сколько женщин растят детей без мужа, и все у них в порядке. А, вот, с Клавочкой судьба обошлась сурово. Говорят – судьба-злодейка.

ИСПОВЕДЬ КАТИ. РАЗНЫЕ СУДЬБЫ.

ЧЕЛОВЕК И ЭПОХА. НАЧАЛО ПУТИ КАТИНОГО ОТЦА. ЧАСТЬ 1.

“Человеческая память живет, пока жив человек. Она может умереть вместе с ним. Этого нельзя допустить, надо сохранить память каждого в интересах всего общества”. Это строки из письма Катинного отца Луки Сергеевича. Он принадлежал к числу тех людей, которые на момент Октябрьской революции были еще детьми и которые выросли вместе с Советским государством. Они стали не только свидетелями истории СССР, но и ее активными участниками.

Май 1990 года. Одноместная палата в провинциальной больнице. Отец Кати был смертельно болен. Страшно было видеть застывшую в его глазах тоску. Он уходил в тот момент, когда рушились, казалось, незыблемые идеалы также уходившего в небытие государства.

Конец 1980-х был, пожалуй, самым трудным периодом для людей, которые поднимали страну из разрухи Гражданской войны, строили новые отношения в деревне, возводили заводы и электростанции, терпели голод и холод во имя светлого будущего. Они гордились первыми успехами молодого советского государства. За него они готовы были отдать свою жизнь. Когда над страной нависла угроза немецкого фашизма, Катин отец пошел на курсы при Московском военно-политическом училище. Утро 22 июня 1941 года он встретил под Витебском. Был трижды ранен, получил контузию, стал инвалидом войны.

Боль от неизбежной утраты близкого человека усиливало чувство вины за то, что Катя так и не успела узнать от него как можно больше о его прошлом, о том, почему он выбрал такой путь и не сворачивал с него, как бы трудно ему ни было. Но остались дневники, и Катя считает своим долгом рассказать о его жизни, которая вместила целую эпоху.

К ИСТОКАМ.

Кате давно хотелось побывать в деревне, в которой родился отец и где прошла его молодость. Это деревня Мосягино Воскресенского района Московской области, 90 км от столицы. Хотелось поговорить со стариками, которые помнят о том времени или знают что-то из рассказов своих родителей. В соседней с Мосягино деревне Панкратовская живет двоюродная сестра отца - Синяева Раиса Петровна. К ней и направилась Катя, прежде

всего. Трудолюбивая и доброжелательная хозяйка пригласила Катю в свой чистый и уютный дом, с гордостью показала ухоженный огород, которым не без основания гордилась. Не смотря на преклонный возраст, Раиса Петровна сохранила необычайно хорошую память и многое рассказала Кате о довоенном времени. Она согласилась показать дорогу в Мосягино. Добрались туда по проселочной дороге, заросшей травой и бурьяном - пожалуй, в осеннюю распутицу здесь было бы не проехать. Но вот показалась деревня и открылся прекрасный вид: чистая деревенская улица, ухоженные огороды, колодец, кирпичный дом на краю деревни (как потом выяснилось, именно на этом месте стоял дом Катиного отца). Местных жителей в деревне очень мало, но летом здесь становилось многолюднее - приезжают на отдых дачники из Москвы.

Отец Кати родился еще до революции в 1910 году в крепкой крестьянской семье, в которой умели и любили работать, у его родителей было четверо детей - три мальчика и девочка. Детей воспитывали в строгости, приучали к труду с раннего детства. Катин дедушка мечтал, что когда сыновья подрастут, встанут на ноги, то они станут самостоятельными хозяевами.

Деревня Мосягина была старообрядческой. В ней имелась небольшая церковь, которую в 1930-е годы разрушили. Отец с малых лет знал молитвы и пел в церковном хоре.

Его мать Евдокия Ивановна была белошвейкой, шила на дому белье для семьи фабриканта Бардыгина, который жил неподалеку в городе. Отец Сергей Андреевич помимо крестьянского труда занимался ремеслом: делал пуговицы из рогов и копыт и отвозил на продажу в Москву. Несмотря на тяжелый труд, жили они не слишком богато. Семья, правда, не голодала, но и зажиточной не была.

Дом топили «по черному», старики и дети спали на печи, а взрослые - на полатах. Обходились без постельного белья, а одеяла стирали раз году на Пасху. В доме водились тараканы, которых зимой приходилось вымораживать. Для этого в доме сутки не топили печь, а двери держали открытыми. Сами хозяева в это время ночевали у родственников.

Так обычно жили в то время семьи среднего достатка, а каково приходилось беднякам, даже трудно себе представить!

Развлечений было немного. По вечером парни и девушки собиралась на краю деревни, пели и плясали под гармонь. Часто устраивали кулачные бои, стенка на стенку, между ребятами окрестных деревень: Муравлево, Лунево, Климово, Кладьково с одной стороны, и Мосягино, Вантино, Столбуново - с другой. Участвовало в таких боях до сотни человек. Бои проходили без поножовщины, лежачих не били. Победенная сторона готовилась к

реваншу, искала «знаменитых бойцов» и уговаривала их принять участие в следующем бое.

Революция на ход деревенской жизни повлияла слабо. Все оставалось по-прежнему: тяжелый труд, бедность, безрадостные будни. Однако, новое все же проникало в деревню. Одним из самых ярких и запоминающихся событий стало для Катиного отца участие вместе со сверстниками в состоявшейся в 1918 году первомайской демонстрации трудящихся волости Ильинский Погост (ныне Орехово-Зуевский район). К месту проведения демонстрации детей везли 9 км на подводах, а по ее окончании накормили обедом и выдали каждому в качестве гостинца по две сушеные воблы...

Отец Кати рано пристрастился к чтению, и до конца своей жизни сохранил верность этой привычке. Любовь к книге он старался привить и своим детям.

Будучи не в силах равнодушно мириться с серостью сельской жизни, с засильем богатых, униженностью и темнотой бедняков, отец стал активным участником начавшегося процесса преобразования деревни. В 1925 году он был первым и единственным на тот момент комсомольцем в деревне.

«ЗЕМЛЯ – КРЕСТЬЯНАМ!»

Российское крестьянство издавна привыкало трудиться сообща. Так легче было справляться с тяжелой крестьянской работой в сложных климатических условиях с коротким летом и суровой зимой. В общине проще было выжить. Попытка Столыпина разрушить крестьянскую общину привела к появлению в деревне крестьян-собственников, но основная масса крестьянства держалось за общину.

После Октябрьской революции 1917 года согласно одному из первых декретов советской власти земля стала всенародным достоянием. Крестьяне с восторгом встретили Декрет о земле, который отвечал их вековым чаяниям. Но, в действительности, все оказалось не так, как мечталось.

Деление крестьянства на кулаков, середняков и бедняков было порождено скрытыми процессами, протекавшими в деревне. Зачастую для бедняков, не имевших лошади, коровы, нужного инвентаря, просто не было возможности выбраться из нужды. Им оставалось только идти в батраки или ехать в город на заработки. Вот так с самого начала своего существования, общество, провозглашенное самым справедливым в мире, столкнулось с несправедливостью.

Государство должно было взять на себя заботу о бедняках, но после революции и Гражданской войны в стране царил разруха и голод. Выходом из этой нелегкой ситуации стал передел собственности. В 1919 году вся земля была объявлена единым государственным фондом, т.е. фактически была проведена национализация земли, которая перешла в руки государства. Декрет о земле был похоронен.

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ДЕРЕВНЕ.

Конец 1920-х годов. Что мы знаем об этом периоде в нашей истории? В 1929 году была опубликована статья Сталина “Год великого перелома”, в которой говорилось о решительном повороте к колхозам середняцких масс. При этом умалчивалось, что реально коллективизировано было всего 6-7% крестьянских хозяйств.

Практическую работу по коллективизации возглавил секретарь ЦК партии по работе в деревне В.М. Молотов, председатель Колхозцентра СССР Г.Н. Каминский. На местах сразу же началось соревнование за число вновь создаваемых колхозов. К организации колхозов были привлечены городские жители (партийно-хозяйственный актив, студенты), плохо знакомые с деревенской жизнью, ее экономикой, психологией, традициями крестьянства.

По разнарядке ЦК партии число добровольцев должно было составлять не менее 25 тысяч человек (фактически их было 27 тыс. человек). В самой же деревне организаторами колхозного движения выступали сельские коммунисты и комсомольцы.

Одним из таких деревенских комсомольцев и был отец Кати. Работу по созданию в Мосягино колхоза он начал еще в 1927 году со сплочения молодежи. В деревне появился драмкружок. «Показывали пьесы примитивные, - пишет отец, - но молодежи нравилось, ведь в деревне в то время не было ни кино, ни радио». Отец организовал коллективное посещение кинотеатра и несколько экскурсий в городе Шатура.

Свою роль в привлечении молодежи сыграло и появление новой формы одежды - «юнгштурм»: брюки и гимнастерка цвета хаки, широкий, военного образца ремень с ремешками через плечо (портупея). Эту модную в то время форму продавали через комсомольские организации. Молодежь тогда восхищалась военными, а надевая эту одежду, человек как бы приобщался к этому героическому братству.

К концу 1927 года в деревенской комсомольской организации Мосягино уже насчитывалось 13 человек. «Конечно, мы были еще очень политически незрелы, - отмечает отец, - но мы учились, работал политкружок, занимались и самообразованием». Призыв партии принять участие в организации колхозов отец Кати воспринял с энтузиазмом.

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Отец писал: “Разве середняк поведет своего коня на общий двор, где уж он не будет хозяином своей лошаденки и коровки. И что будет за колхоз, который объединит одну бедноту - ни лошади, ни плуга”. В райкоме партии он узнал, что государство может дать кредит. Появилась надежда.

Но середняки в деревне упорно твердили свое: “ Наши деды и прадеды обходились без колхозов, проживем и мы как-нибудь”. Психология крепкого крестьянина была такова: “Какой это колхоз, когда у Ивана Хорька, Егора Юдича ничего нет в хозяйстве? А какой Юдич работник, когда у него одна рука? Значит, я должен свести со двора свою корову и кормить молоком Хорька, да еще работать на однорукого Юдича и других?” Был и еще один трудный вопрос, который задавали отцу сельчанецаму н партии узнал,б организ у них нет ни лошади, ни плуганием"литературы. район).на ного и станут самостоятельными хозяев: “ А твой-то отец пойдет в колхоз?”

Действительно, Сергей Андреевич был категорически против колхоза. Раиса Петровна рассказала, что, когда отец взял с личного двора корову и лошадь и отвел их на колхозный двор, Сергей Андреевич пригрозил убить его, ведь в староверческих семьях немислимо было пойти против родительской воли. Отцу пришлось несколько дней прятаться на чердаке, пока тот не остынет. Евдокия Ивановна тайком кормила сына: приладив корзину с едой к шесту, она поднимала ее на чердак. В конце концов, Сергей Андреевич смирился с неизбежным и позже даже стал гордиться сыном-комсомольцем.

Но, несмотря на трудности, отец был полон энтузиазма. Он начал работу с бедняками. Комсомольцы приглашали их на собрание, которое проходило в одном из домов, и агитировали за создание колхоза. Пытались уговаривать и середняков.

Положение в деревне было сложным: многие крестьяне относились к отцу враждебно, даже угрожали ему расправой. Евдокия Ивановна, к примеру, сердилась на него за то, что он обвинил ее родного брата, занимавшего пост председателя сельсовета, в защите кулаков.

И тут грянула беда. В мае 1928 года кто-то ночью поджег их дом: «Едва живыми выбрались из горящего дома. Все имущество сгорело. Из хозяйства успели выгнать со двора корову и свинью, да осталась лошадь, что паслась в ночном». Утро застало семью (а их было семь человек) на тлеющем пепелище. Где найти крышу над головой?

Дальний родственник - бывший фабрикант Рыбин согласился предоставить под жилье уголок в пустующем здании фабрики ручного ткачества. И Катиному отцу - комсомольцу, всегда боровшемуся с кулачеством, пришлось

воспользоваться “добротой” дяди (ходили слухи, что он был причастен к этому поджогу). Нелегко было выслушивать упреки со стороны семьи, попавшей из-за него в беду...

Неожиданно отец получил вызов на экзамены в сельскохозяйственное училище. Он обрадовался, решив, что теперь сможет избавиться от “любезной” помощи дяди! Вступительные экзамены он успешно сдал, но семья не позволила ему уехать из деревни: надо было строить новый дом.

Как пострадавшему от кулаков комсомольскому активисту отцу бесплатно выделили 45 деревьев строевого леса на корню. Их надо было свалить, очистить и привезти к месту постройки. На старом месте власти строить не разрешили из-за нестандартного размера земельного участка, а предоставленный семье новый участок был сырым и нуждался в осушении. Пришлось возить грунт, рыть дренажные канавы. В ноябре 1928 г. семья въехала в новый дом с большой кухней, двором и баней. Посадили молодой сад.

СПЛОШНАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ.

В стране разворачивалось массовое колхозное движение на основе сплошной коллективизации. На местах началось соревнование за число вновь создаваемых колхозов.

В Мосягино стали приезжать из города Орехово-Зуево шефские бригады по оказанию помощи в организации колхоза. Они проводили подворный обход, беседовали с крестьянами о необходимости вступления в колхоз, чуть ли не через день проводились общие собрания. Поскольку собрать крестьян для разговора о колхозе было трудно, шефы шли на хитрость: объявляли повестку дня, в которой ни слова не говорилось о колхозе, и уже в ходе собрания поднимался вопрос о его создании.

Отец с горечью писал, что со стороны шефов делались попытки формального проведения сплошной коллективизации путем неправильной организации голосования: “Кто против колхоза, поднимите руки! - Никого, принять единогласно!” Против колхоза, конечно, никто не голосовал, боялись. Но, уезжали шефы - и все оставалась по-прежнему, заявления с просьбой принять в колхоз мало кто подавал».

В начале 1929 года отец Кати был избран заместителем председателя сельсовета, а в ноябре было оформлено создание в Мосягино колхоза, в который вошли те, кто уже подал заявления. Провели организационное собрание, на котором отца, которому было всего 19 лет, избрали председателем колхоза.

Работа по вовлечению крестьян в колхоз продолжалась. Она была сопряжена с немалыми трудностями. Согласно статистическим данным, кулаки составляли совсем незначительную долю населения страны – всего 4%, но они пользовались большим влиянием в деревне, и горе было тем, кто шел против их воли. Так, через три года после создания в деревне колхоза был убит кулаками однорукый Егор Юдич – активист колхозного движения.

В области шло соревнование за сплошную коллективизацию. Мосягинский колхоз отставал от других, поэтому на доске показателей (было такое средство наглядной агитации) его изобразили едущим на повозке с впряженной в него клячей, в то время как передовые колхозы «мчались» на поезде или на самолете. Правда, были там и колхозы, «ехавшие» на черепахе и раках.

Напряженная работа по укреплению колхоза продолжалась. К каждой шефской бригаде из города отец прикреплял своих деревенских

комсомольцев, а шефов предупреждал, что успехи в работе будут оцениваться по количеству заявлений лишь о добровольном вступлении в колхоз. К январю 1930 г. в колхоз было объединено уже 85 хозяйств из 113.

В 1928-1929 гг. увеличились планы заготовок всех видов сельскохозяйственной продукции - хлеба, картофеля, овощей, пух-пера, шерсти и т. д., вплоть до веников; увеличились платежи по налогам и займам. Большинство планов заготовок были заведомо невыполнимыми, но оспаривать их было бесполезно и даже опасно.

В деревню присылались общие плановые показатели, которые сельсовет должен был доводить до сведения каждого двора. Колхозники от заготовок освобождались, с бедноты особо брать было нечего. Поэтому выполнять планы приходилось в основном за счет кулаков и крестьян-середняков.

Шефы, чтобы повысить процент коллективизации предложили в список кулаков (в деревне было всего три кулацких хозяйства) включить “несговорчивых” середняков, но колхозное правление на это не пошло. Не сносить бы отцу головы, но тут «разразился гром»!

«ЖИТЬ СТАЛО ЛУЧШЕ, ЖИТЬ СТАЛО ВЕСЕЛЕЕ!»

Весной 1930 года в «Правде» была опубликована статья Сталина “Головокружение от успехов”. Ситуация в деревне к тому моменту крайне обострилась. Кое-где накал борьбы за колхозы привел к попыткам организации восстаний крестьян, диверсиям, бандитизму. Признав наличие некоторых “перегибов” в вопросе о добровольном вступлении в колхозы, Сталин возложил ответственность за просчеты в деле коллективизации на местное руководство, у которых от успехов “закружилась голова”.

После опубликования статьи начался массовый выход крестьян из колхозов как результат администрирования и перегибов в организации колхозов и некоторой растерянности руководства. «Прежде всего, - писал отец, - статьей Сталина воспользовались кулаки и зажиточные крестьяне для борьбы против колхозов. Они по-своему истолковывали положения статьи неграмотным крестьянам, искажая их до того, что чуть ли не объявляли Сталина противником колхозов».

Для того, чтобы несколько ослабить процесс выхода крестьян из колхозов, Сталин через месяц выступил в печати с другим письмом: «Ответ товарищам колхозникам». В нем он писал: «Уходя из колхозов, они идут против своих же собственных интересов, ибо только колхозы дают крестьянам выход из нужды и темноты. Уходя из колхозов, они ставят себя в худшее положение, ибо лишают себя тех льгот и выгод, которые предоставляет колхозам Советская власть». Несмотря на временное отступление, политика партии в вопросе коллективизации продолжалась. К 1937 г. 93% крестьянских хозяйств в стране были коллективизированы.

В колхозе, где председательствовал Катин отец, после статей Сталина начался также “отлив” колхозников. “Бывало, - вспоминал отец, - идешь утром в правление колхоза или вечером возвращаешься домой на край деревни, вдруг из дома выбегает кто-то, не сам хозяин, а дочь, жена или сын, сует мне бумажку - заявление о выходе из колхоза». Через месяц данные на областной доске показателей изменились: кое-кто с “самолета” пересел на “повозку” отца, а он сам оказался на “тракторе”, так как у других “отлив” составил 75-80%, а у отца только 50%.

Помогло отцу то, что он не пошел на поводу у шефов и избежал формализма при строительстве колхоза. Он сумел к этому времени организационно укрепить колхоз, открыв при нем пуговичную мастерскую, где получили работу 36 человек. Однако забот и тревог у отца не убавлялось: предстояла весенняя посевная кампания, надо было покупать лошадей, инвентарь, семена и пр. Помощником отца в хозяйственных делах стал Катин дедушка.

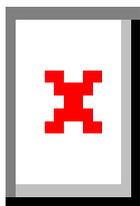
«Дела шли успешно спешно, колхозники работали дружно, на работу выходили с песнями, осенью собрали хороший урожай, и в 1931 году оказались лучшими в районе». В газетах писали о колхозе отца, а сам он был даже премирован: ему выдали шерстяной костюм и ботинки. К середине 1930-х гг. жизнь в колхозе наладилась, люди стали жить лучше.

Вскоре райком партии командировал отца на учебу в совпартшколу II ступени на 2 года. После учебы отец работал уполномоченным по организации колхозов в районе, был в гуще событий; потом стал вторым секретарем горкома комсомола в г. Воскресенске.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Что можно сказать об том времени – о годах, которые определили жизнь Советской страны на долгий период? Это было трудное время, было много «перегибов» в процессе становления коллективных хозяйств: насильственное насаждение колхозов, необоснованная экспроприация части кулачества и крестьян – середняков и др. Но, сама идея создания колхозов была верной. Без коллективного труда в тяжелых климатических условиях нашей страны и помощи государства деревне крестьянству было не выжить, невозможно было выбраться из нищенского состояния большинству крестьянских хозяйств. Конечно, жесткие административные методы советского государства дискредитировали саму идею, нанесли ей вред.

В 1990-е гг. наше государство впало в другую крайность: были разрушены колхозы, растащена по дворам колхозная собственность. Люди трудоспособного возраста в деревне лишились работы и стали выживать за счет приусадебного хозяйства и мизерной пенсии своих стариков-родителей, что привело к деградации основной массы крестьян, особенно в отдаленных от Москвы и других крупных городов территориях: лень, тунеядство, пьянство, воровство постепенно стало почти нормой. Пока не поздно, государство должно принять меры по восстановлению деревни, помочь ей выйти из сложного положения, в котором она оказалась.

ИСПОВЕДЬ КАТИ. РАЗНЫЕ СУДЬБЫ.

Ч Е Л О В Е К И Э П О Х А: 1941 год. Часть 2.

НАКАНУНЕ ВОЙНЫ.

Война в одинаковой мере облагает данью

мужчин и женщин: она взимает

с одних кровь, с других слезы.

Уильям Теккерей

В истории нашей Родины было много славных и трагических страниц: победы и поражения, периоды становления государства и глубочайшие кризисы; проявления высочайшего героизма людей и подлого предательства. Но, пожалуй, самое значимое для нашей страны время - это годы Великой Отечественной войны. Именно тогда проходило испытание нашей Родины на прочность. И мы сумели выстоять в необычайно тяжелых условиях. Вечная слава нашим отцам, дедам и прадедам, которые прошли трудными дорогами войны и дошли до Берлина!

Катин отец, Лука Сергеевич, с первого дня войны был на фронте: трижды ранен, получил контузию, стал впоследствии инвалидом войны. Эти воспоминания основаны на его дневниках и воспоминаниях о тех тяжелых и незабываемых годах.

Накануне войны немецкая армия была сильнейшей армией мира: новейшая техника, опыт ведения войны в современных условиях, высокая квалификация военных специалистов. Красная Армия уступала вермахту, хотя руководством Советского государства предпринимались большие усилия по укреплению обороноспособности нашей страны, в том числе и в вопросе подготовки военных кадров. С июля 1939 г. по декабрь 1940 г. было открыто 77 военных училищ, накануне войны действовало 203 военных училища и 68 курсов усовершенствования, где обучалось 300 тыс. курсантов. Подготовка офицеров проводилась в 19 академиях, на 10 военных факультетах при гражданских вузах и в 7 высших военно-морских училищах.

Отец писал, что в 1939 году его по спецнабору вторично призвали в Красную армию и направили учиться на 4-х месячные курсы при Московском военно-политическом училище. По окончании училища он был направлен служить в 21-й стрелковый корпус в должности старшего инструктора по пропаганде политотдела в г. Горьком. В июне 1940 г. штаб и политотдел корпуса перевели в г. Витебск в Белоруссии. В декабре 1940 г. на партийной конференции его избрали ответственным секретарем партийной комиссии политотдела корпуса. В этой должности он и вступил в войну.

Г.К.Жуков в «Воспоминаниях и размышлениях» отмечал, что в течение марта-апреля 1941 года в Генеральном штабе шла усиленная работа по уточнению плана прикрытия западных границ СССР. Было решено под видом подвижных лагерных сборов перебросить на Украину и в Белоруссию по две общевойсковые армии. Накануне войны «перебрасывалось из внутренних военных округов ближе к западным границам 28 стрелковых дивизий и четыре армейских управления».

К этим событиям имел отношение и Катин отец.

Он писал, что 21 июня 1941 г. он находился в районе г. Витебска. В этот день в железнодорожный эшелон были погружены машины и имущество 21 стрелкового корпуса для следования в район г. Лида, где предполагалось в течение месяца проводить полевые учения. Сбор для отправки на вокзал назначили на 5 утра 22 июня. По будильнику он проснулся в 4 часа утра, взяв чемодан, пошел в штаб. Там он узнал, что сборы перенесли на 6 часов 30 минут утра. Дежурный отозвал его в сторону и показал телеграмму из Минска: «Самолеты противника бомбят Минск, Белосток, Киев». Так началась война.

В БЕЛОРУССИИ.

Вскоре их эшелон мчался на запад, к границе. В Витебске оставались его жена и двое детей, мальчики 6 и 8 лет Им предстояла эвакуация.

23 июня на рассвете они были на станции Богдановка, выгрузились из эшелона и остановились в двух километрах от станции, в лесу. Был получен приказ: выехать на грузовой машине на станцию, погрузить остатки имущества и привезти в лес. Задание он выполнял вместе с капитаном Арцимовичем и десятью солдатами. Когда машины были уже почти загружены, над их головами появились немецкие самолеты, которые стали бомбить станцию. Отец с солдатами отбежали от вагонов и укрылись во ржи. Когда самолеты улетели, они стали искать капитана Арцимовича. Его нашли под вагоном. Он был убит, осколки от бомб попали в грудь и в голову.

Так отец впервые потерял на войне своего товарища, с которым в Витебске они проживали с семьями в одной квартире. В дневнике отец написал: «Четыре года тяжелых страшных дней, лица товарищей, друзей моей юности, навсегда ушедших из жизни. Я был там, на переднем краю боев, на теле рубцы от ран, а еще больше рубцов на сердце».

Г.К.Жуков в своих воспоминаниях пишет, что в конце июня 21-й стрелковый корпус вышел в район Молодечно - Вилейка, а 29 июня командующий Западным фронтом генерал армии Д.Г.Павлов сообщил Жукову, что связи с корпусом нет, корпус пробивается из окружения. В первых числах июля немцами был взят Минск, и вражеские войска устремились к реке Березине. Отец писал, что в это время 21-й стрелковый корпус находился западнее Минска и пытался выйти из окружения, обойдя Минск с севера.

В начале августа 1941 года начальник штаба корпуса генерал Закутный провел совещание с комсоставом штаба и сообщил маршрут движения штабной колонны, а отцу и начальнику особого отдела капитану Гончарову приказал идти в разведку для выяснения безопасности предполагаемого маршрута движения колонны. В деревне, куда они направились, их ждала засада. Гончаров был убит, а отец сумел пробиться к лесу.

Уже после войны из мемуаров генерала Болдина отец узнал, что генерал Закутный изменил Родине; вместе с Власовым создавал РОА, за что впоследствии был расстрелян. Отец рассказывал: ему тогда показалось странным, что Закутный, имея батальон разведки, послал их с Гончаровым в роли разведчиков на немецкую засаду.

Отец писал: «Так началась моя горькая «Одиссея» выхода из окружения к своим войскам на восток».

ВЫХОД ИЗ ОКРУЖЕНИЯ.

Итак, отец Кати оказался в окружении совсем один. Он писал, что гораздо легче выходить из окружения, когда ты не один, всегда чувствуешь руку товарища. Дело осложнялось еще и тем, что в селах, мимо которых пришлось проходить, были ставленники немцев: старосты, полицаи; расклеивались приказы, угрожавшие населению расстрелом за оказание помощи выходящим из окружения, на дорогах, мостах, переправах стояли немецкие заставы. Отец писал: «Решил идти лесисто–болотистой местностью, глухими дорогами по ночам. Но и это было непросто: куда идет та или иная дорога надо знать, а перекрестки, а ночь? Вот и шел, как зверь без дорог, голодный, в одной гимнастерке, часто обходя села болотами».

Однажды местные жители показали ему большое болото, километра четыре в ширину, и ориентир – группа больших деревьев на противоположной стороне. «Иди по кладкам», - сказали ему. Пошел, а через метров 500-700 кладки кончились. Шел к деревьям по пояс в вонючей воде, проваливался по шею, насилу добрался до конца. «Грязный, мокрый весь, где просушиться? А наступил уже вечер. Сбросил с себя все, прополоскал в чистой воде, отжал и мокрое надел на себя. От болотной воды заболел дизентерией».

Наконец, отцу повезло, он встретил попутчика – сержанта, веселого жизнерадостного парня. Пошли вдвоем, идти стало веселее. Однажды они зашли в одну деревню попросить поесть. В деревне немцев не было. Хозяйка в хате рядом с колхозным двором дала им пообедать. И вдруг мимо окон хаты промчалось несколько мотоциклов, а на колхозный двор въехали с десятков автомашин с немцами. Хозяйка перепугалась, просит отца с сержантом покинуть хату, а они не могут выйти в военной форме: сразу заберут немцы. Сердобольная женщина дала им старую одежду мужа, Они переоделись в гражданское и решили не идти вместе, а друг за другом на расстоянии видимости, на развилках дорог, на земле показывать стрелкой дальнейший путь.

Отец пошел первым. Вышли они из хаты, хотели идти на задворки, но там уже ходили немецкие патрули, а под окнами - толпа народа. Жители бегут с кринками, бидонами молока, несут лукошки с яйцами, предлагают немцам. Кто поступал так из чувства страха, пытаясь задобрить немцев, а были и такие, кто их ждал.

Смешаться с толпой местных жителей они не могли, их бы выдали, поэтому решили идти вдоль деревни. На околице увидели два мотоцикла и четырех немцев с автоматами на груди. Они стояли у изгороди, курили и чему-то смеялись. Поворачивать назад было нельзя, они отца уже увидели. Окрик:

«Хальт!» Отец, который изображал белорусского крестьянина, остановился и рукой показал, что не понимает; продолжал идти, каждую секунду ожидая очереди из автомата. Так дошел до развилки дорог, немцев уже не видно было, нарисовал на земле стрелу поворота для сержанта, метров через сто свернул с дороги в кусты. Вскоре подошел его товарищ, покурили и пошли дальше в том же порядке: отец впереди, сержант за ним.

Впереди был поселок Красная горка, справа тянулись поля, слева – сосновый лес. И вдруг из-за поворота он увидел группу немецких солдат, отдыхающих на опушке леса. И опять: «Хальт!». Отец шел, не останавливаясь, ожидая выстрелов в спину. Выстрелов не последовало, скоро кончился лес, на пригорке показался поселок. Он потом вспоминал этот случай. Почему немцы его не остановили? Он считал, по двум причинам: во-первых, по халатности и лени; во-вторых, немцы посчитали, что впереди еще много солдат, которые его задержат, а те, мимо которых он проходил дальше, решили, что его уже проверили предыдущие патрули.

Поселок, в который пришел отец, был полон немцев. Одни из них отдыхали, разговаривали, играли на губных гармошках, другие в одних трусах у колодца обливали друг друга водой, отняв у местной женщины ведро, совершенно ее не стесняясь. Когда женщина, наконец, набрала воды и пошла к дому, отец подошел к ней, попросил напиться и спросил, как выйти к лесу, она подсказала. Добравшись до опушки леса, сразу повалился в изнеможении на землю. Немного погодя свернул «козью ножку» и стал ждать сержанта, который подошел только через час.

Сержанту пришлось пережить более тяжелую ситуацию. Немцы его задержали, стали обыскивать, нашли в кармане красноармейскую книжку, бросили на землю и затоптали. Спрашивают: «Солдат?» Сержант показал им на пальцах решетку, попытался объяснить, что он из заключения. Немцы повторяют: «Солдат!» Потом, немного подумав, махнули рукой и отпустили его. И такие случаи бывали на войне...

Недалеко от г. Слуцка в одной деревне на окраине они увидели трех повешенных окруженцев. Один инвалид из местных жителей рассказал, что бывший начальник милиции г. Слуцка стал служить у немцев начальником районной полиции. Он издал приказ о том, что выходящим из окружения необходимо добровольно являться к старостам и в полицию, иначе они будут считаться партизанами и подлежат уничтожению.

Отец писал о том, как немцы обращались с нашими пленными. Это они с сержантом наблюдали из окна хаты, где их с сержантом приютила хозяйка: «Мы увидели колонну наших пленных. Их вели солдаты СС. В голове колонны две немецкие автомашины с пулеметами, по бокам мотоциклисты с автоматами. Колонну остановили: пленные оборванные, грязные, многие

босяком, в порванных гимнастерках, другие только в нательном белье, стоят на дороге в четыре ряда. Изможденные лица, потухшие глаза». Позже они узнали, что пленных гнали двое суток без воды и пищи, отстающих расстреливали.

Многие жители выбегали с хлебом, яблоками и другой снедью, пытались передать еду пленным, но их отгоняли патрули. Один из пленных только сделал шаг в сторону женщины с хлебом, как был застрелен выстрелом в затылок. Другой пленный подбежал к женщине, которая доставала воду из колодца, и тут же свалился с простреленной головой. Тогда жители стали бросать хлеб, яйца, яблоки прямо в ряды пленных – те бросались к земле, пытаясь поднять еду, а немцы хохотали, наблюдая свалку, и кричали: «Русише швайн!». Колонна пленных растянулась во всю деревню, и везде раздавались выстрелы. Наконец, пленных повели дальше, а на дороге в пыли осталось двенадцать трупов.

В одной из деревень отец видел, как местные жители растаскивали имущество собственной школы: парты, столы, стулья, двери, оконные рамы, даже полы выламывали и тащили к себе домой. Сержант в суматохе тоже сходил в школу и принес карту района – то, в чем они так сильно нуждались. Отец тогда осуждал местных жителей за разгром школы, но позже вспомнил приказ Сталина о том, что ничего нельзя оставлять врагу, надо уничтожать заводы, машины, имущество, хлеб. И горели элеваторы, скирды хлеба, склады. Отец писал, что начальство зачастую, боясь не успеть уничтожить при отступлении положенное, заранее отдавали приказ об уничтожении имущества.

Перед городом Речицей Гомельской области они с сержантом повстречались с партизанами, попросили принять их в отряд. Начальник отряда им в этом отказал, так как принимать в отряд незнакомых людей не разрешалось. Он угостил их папиросами, указал дорогу на Калинковичи - Речицу, сказав, что немцы туда еще не дошли. 28-29 августа 1941 г. вышли из окружения.

СНОВА В СТРОЮ.

В Калининвичах в военкомате их с сержантом разлучили. Его товарища отправили в формировочный пункт, а отца как офицера – в отдел кадров штаба Юго–Западного фронта. И снова в бой за Речицу, Гомель, Чернигов. Вот как отец описывает фронтовые будни: «Вечером отступаем на 20-30 км, а утром идут бои. Немцы пытаются нас окружить. Когда наступает вечер, они трассирующими пулями обозначают для своих самолетов край своих войск, чтобы их не бомбили. Смотришь на эту «красоту» и видишь, что мы опять в кольце, надо уходить, - и всю ночь идем под дождем без дорог по болотам, измученные до изнеможения, чтобы утром опять идти в бой».

Много пишут о том, что на фронте и родная земля помогает. На самом деле, силы человеческого организма, даже молодого (отцу в 1941 году был 31 год), не беспредельны. Вот строки из его дневника, относящиеся к октябрю 1941 года: «У меня полный упадок физических сил, смертельно хочу спать, машинально, как манекен, передвигаю ноги и сплю на ходу. Небольшая остановка - и я падаю на землю там, где стоял, в грязь, в воду, и мгновенно засыпаю. Вдруг команда «Становись!» - и я, как заведенный, снова шагаю. Заболел ревматизмом, в суставах нестерпимая боль, мышцы жгутом скручивает. Один товарищ посоветовал растирать ноги керосином и закутывать в сухое. Керосин я достал, но где же в походных условиях взять сухое тепло. И все же немного помогло. Попроситься в госпиталь не могу, сочтут трусом. Ревматизм – это не открытая рана».

В одном из боев на Днепре отца ранили в руку, он был контужен, на две недели потерял слух. После излечения в госпитале отец снова встал в строй. Ему приказали сопровождать группу мобилизованных солдат в количестве 25 человек в Старый Оскол Курской области. «От города Солнцева до Старого Оскола мы по колено в грязи проходили в день 10-12 км, кормились в колхозах. Они в основном были эвакуированы, так что давали то, что осталось».

В Старом Осколе отец получил приказ следовать в Урюпинск в качестве сопровождающего группы офицеров, был выделен специальный вагон, так что доехали к месту назначения относительно спокойно.

Ноябрь 1941 года. Положение на фронте было сложным, огромные территории нашей страны были заняты немецкими войсками, фашисты - уже на подступах к Москве, главные события происходили именно там.

Основной задачей, которую отец ставил перед собой на тот момент, было возвращение в свой родной 21-й стрелковый корпус, в котором он начал свою военную службу. По некоторым данным стрелковый корпус вышел из окружения и воевал под Москвой. Отец обратился к командованию с

просьбой откомандировать его в родную воинскую часть. Ему пошли навстречу. По прибытии в Москву отец узнал, что 21-го стрелкового корпуса под Москвой нет, он где-то гораздо южнее. Предстояло возвращаться обратно в Урюпинск.

Его очень беспокоило отсутствие сведений о своей семье – жене и детях, которых он оставил в Витебске в начале войны. Писем от них не было. Живы ли они? Успели ли эвакуироваться? В Москве у знакомых он узнал, что семья находится в селе Солдатское, недалеко от станции Рузаевка. Отец решил найти свою семью, используя время, которое у него оставалось от командировки.

Проездные документы у него были через станцию Грязи. До Рузаевки предстояло добираться без билета на попутных товарных поездах. С большими трудностями он доехал до Рузаевки, до села Солдатское пришлось пять километров идти пешком, невзирая на снег и ветер. К счастью, довольно быстро отец нашел своих родных. Они проживали у хозяйки, муж которой был на фронте. Жена и дети были здоровы, но времени уже не оставалось побыть с ними, и через несколько часов предстоял обратный путь.

Погода была плохая, сильный мороз, метель, а на отце - тонкая шинель. На пассажирском поезде он не мог ехать без проездных документов, сумел забраться на открытую платформу товарного поезда, укрылся между ящиками. Метет метель, его засыпает снегом. Замерзая, он заснул

Отец писал: «Я бы замерз насмерть, но поезд почему-то остановился в степи. Один из проводников разбудил меня, этим спас от смерти, но выгнал с платформы и не отходил от меня, пока поезд не тронулся. Проводник вскочил на подножку, а мне некуда сесть, не все вагоны имели ступеньки. Вагоны бегут мимо, поезд набирает скорость, вот и последний вагон. В отчаянии ухватился за ступеньку, ноги подвернулись и оказались почти под колесами вагона. Какими-то нечеловеческими усилиями мне удалось подтянуть ноги к себе - животный инстинкт жизни. Сумел подняться на площадку вагона, доехал до станции Алексеевская, от которой ехал в Урюпинск уже с относительным комфортом в пассажирском поезде». Если бы отец не сумел сесть в последний вагон товарного поезда, он все равно замерз бы в степи: до ближайшей станции было 30 км.

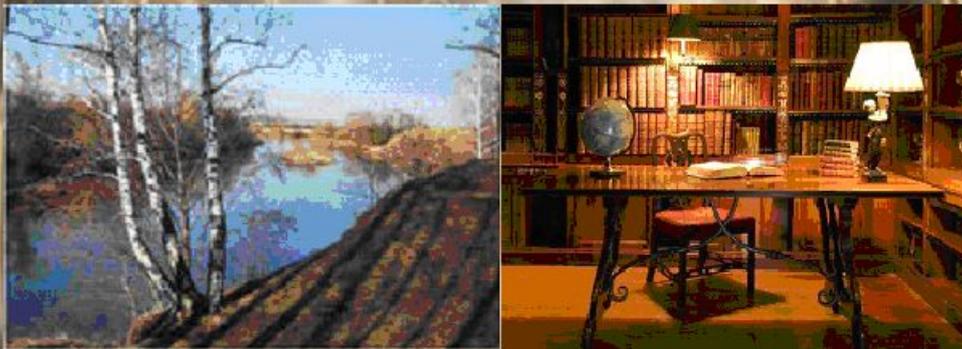
В войну гибли не только от пуль и снарядов, но и от голода, холода, болезней. Страшное было время не только для военных, но и для мирных жителей. Катина тетя в 1942 г. замерзла зимой в степи, когда ходила в деревню за 10 километров менять вещи на продукты. Ее муж погиб на фронте, двое детей остались сиротами. Сколько горя принесла война!

В Урюпинске отец пробыл пять дней, потом получил назначение на должность командира артиллерийской батареи и был направлен на фронт в район г. Щигры Курской области, где воевал до апреля 1942 года. Впереди - бои под Сталинградом, но это уже конец 1942 года.

Почему Катя решила написать о своем отце? Ведь о войне уже так много создано фильмов, книг, воспоминаний. Судьба Катинного отца подобна пути, которым прошли миллионы советских солдат, защищая свою землю. Мы вспоминаем о ветеранах войны в день Победы, когда они надевают свои ордена, дарим им цветы. А в повседневной жизни? Так ли внимательны к ним мы и наше государство? А их так мало осталось в живых, они уходят от нас.

Но не теряем ли мы нечто важное, что должно быть в наших душах: сострадание, милосердие, взаимопонимание, а, главное - любовь к своей Родине, к своей родной земле?

Литературный клуб Исеть

2016

<http://literklubisety.ucoz.com/>